

Dohnal, Josef

Русский экспрессионистический рассказ : (несколько методологических заметок)

In: *Roman Jakobson*. Mikulášek, Miroslav (editor). 1. vyd. V Brně: Masarykova univerzita, 1996, pp. [351]-356

ISBN 8021014377

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132396>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РУССКИЙ ЭКСПРЕССИОНИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ (НЕСКОЛЬКО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК)

Йозеф Догнал (Brno)

Литература является на всех этапах своего развития все более сложным конгломератом многих тенденций, которые, взаимодействуя и взаимоотрицаясь, гарантируют многогранную, авторской интенцией предопределенную рефлексивную независимость на человеке окружающей его среды, но и чисто индивидуального, субъективного мира. Говорить в этой связи о том, насколько резко отличается друг от друга оценка отдельных фактов сторонниками разных тенденций не стоит — ведь нами упоминаемый Роман Якобсон об этом не раз писал в своих статьях, блестяще раскрыв напр. множество значений слова «реализм» в статье «О художественном реализме».¹ Незачем удивляться, значит, и тому, что искусство начала XX века до сих пор истолковывается с разных позиций, получая разные и по мере заостренности полемики иногда и очень категорические оценки. Напомнил об этом напр. третий выпуск журнала «Вопросы литературы» 1992 года, определенная часть которого посвящена нескольким статьям об авангарде — в них, как, впрочем, и в многих других источниках, вновь встает вопрос о т. наз. авангарде, вновь поднимаются некоторые вопросы с ним связанные.

Так как наша конференция посвящена литературным жанрам и так как сам Якобсон большое внимание уделял точности определения понятий, при помощи которых он в дальнейшем пытался раскрывать суть изучаемых явлений, я хотел бы обратить внимание на то, насколько оправданы поиски следов разных литературных направлений, в частности экспрессионистического, в русской литературе начала XX века и какие шаги с этими поисками связаны. Хотелось бы остановиться не на термине «рассказ», а именно на определении «экспрессионистический», так как именно это может, по-нашему мнению, помочь ближе распознать некоторые пока не полностью изученные черты тогдашнего литературного

---

1 Якобсон, Р.: О художественном реализме. В: Якобсон, Р.: Работы по поэтике. Москва 1987, с. 387 — 393.

процесса и принести отчасти новый взгляд на тот конгломерат литературных произведений первых двух десятилетий XX века, который во всей его негомогенности еще и сегодня часто означают собирательно словом авангард или модернизм, придавая ему, само собой разумеется, одни и те же оценки, не различая достаточно, какую часть этого собирательного понятия имеют в данном случае ввиду.

Во-первых, хочется сделать одну параллель — русская литература и русское искусство, прежде всего живопись, были в эпоху конца XIX — начала XX веков тесно связаны как с французской, так и с немецкой литературой. Так как об экспрессионизме можно говорить как о литературном направлении, сформировавшемся и достигшем своего наиболее полного развития в немецкой литературе, следует присмотреться к тому, на основе каких признаков произведения и авторы причисляются к числу экспрессионистических в Германии. Поводы для этого — это прежде всего факт, что в русском литературоведении и истории литературы, возникших в бывшем СССР, об экспрессионизме в русской литературе шире пишет, насколько нам известно, только один исследователь — Дрягин — в своей книге «Экспрессионизм в России»,² тогда как у других можно найти только заметки об экспрессивных элементах или о тенденции к экспрессионизму. Кроме того, необходимо коснуться этого вопроса и потому, что в рамках литературы, изучающей немецкий экспрессионизм, не существует единогласия в том, что представляет собой экспрессионизм как литературное течение, каковы его главные черты, его основные представители, хотя большинство исследователей почти тождественно говорит о свойствах, на которых базируется то, что они называют экспрессионистической литературой. Кажется, ошибка Тэна, исходившего из убеждения, что основные три фактора — раса, исторический момент и среда — приводят к возникновению почти однотипной литературы, все еще имеет свое место во взглядах некоторых исследователей, так что среди экспрессионистов оказываются почти все, кто писал «по-другому», т. е. не «по-реалистически», напр. и Кафка. Допускать это теперь, когда появляется возможность без предвзятости, без идеологически мотивированных критериев построить историю русской литературы XX века, было бы непростительным шагом. Наоборот — существует и мнение, что определить понятие «экспрессионизм» как одно гомогенное целое нельзя именно потому, что и в рамках этого течения имели место разные

---

2 Дрягин, К. В.: Экспрессионизм в России. Вятка 1928.

тенденции.³ Сам этот вопрос заслуживает тщательного анализа, но мы оставим его в стороне с предположением, что такое мнение правильно, но что оно относится не к изначальному этапу экспрессионизма, а к его более развитой ступени, начиная со второй половины 10-х годов XX века.

Истоки русской экспрессионистической малой прозы — если она вообще существует — надо поэтому искать там, где встречаются некоторые свойства этого исходного базиса, наиболее тесно, наверное, связанного с определенными социологическими чертами, характерными для нового времени. Параллель между Россией и Германией того времени может нам показать, что оба эти государства находятся в стадии некоторой фрустрации — в Германии сказываются первые результаты объединения государства, ныне большого и экономически сильного, но без надлежащего влияния в мировой политике. Это была, кроме того, и Германия, в которой кончается время юнкерского стиля поведения и воспитания — поэтому не удивительно, что очень часто традиционные патриархальные общественные отношения изображаются как пережиток, что сказывается, между прочим, и в том, что в литературном отражении данного явления сильно тематизируется напр. конфликт отца с сыном, свидетельствующий о поисках новых, других отношений друг к другу даже в мельчайшей ячейке общества — в семье. Далее приводятся прежде всего такие факторы, как напр. нарастание тока информации и развитие возможности путешествовать, познавать другие страны и культуры. Это начало определенного глобального понимания мира у все более широкого круга людей. Человек, до тех пор имевший свое более-менее прочное место в мире, который он был способен рефлексировать, который был «свой», конфронтируется с тем, что кончается эра линейного, одного уровня времени и «своего» пространства. До тех пор скорее целостное видение «своего времени и своего пространства», до которых «внешнее» вмещивалось только время от времени в качестве чего-то чужого, странного, курьезного, преломилось в своего рода мозаичность, в которой «свое» все чаще разбивается из-за вмешательства «внешнего» — реальность предстает как мозаика, или — наверно точнее — как картина кубистов. Прочные корни индивида в «своем» мире расшатаны — будучи здесь, он воспринимает то, что происходит во многих других местах, оставаясь жить своей жизнью в линейном «своем» времени он конфронтирован со временем

3 Нанп.: Weisstein, U.: Expressionism as an International Phenomenon. In: Expressionism as an International Literary Phenomenon. Paris — Budapest 1973, p. 17 — 21. Автор тут, кроме другого, утверждает, что Кафку нельзя считать экспрессионистом (с. 21).

многих других событий, которые, однако, не соответствуют времени его переживаний, так как он в данное время переживал нечто совсем иное. Растет ответственность индивида за свою судьбу, но влияние индивида на нее все ограниченнее. Ответственность отдельного человека, кроме того, расширяется — он ведь все более в ответе и за то, что происходит не в «его» времени и пространстве, но о чем он информирован, с чем конфронтируется.

Большинство исследователей исходит из предположения о том, что и экспрессионизм принадлежит, как и всякое новое литературное течение, к разряду тех, которые отстаивают основной девиз, выраженный словами Якобсона: «Идеограмма должна быть деформирована. Увидеть в вещи то, чего вчера не видели, ..., навязать восприятию новую форму.»⁴ (Идеограммой же разумеется по традиции установившийся образ, формула, с которой немедленно по смежности связывается предмет.⁵) Под установившейся идеограммой, формулой, определявшей подход к литературному тексту, можно различить два фактора — восприятие данной действительности воспринимающим и воссоздающим ее субъектом литературного процесса и одновременно способ выражения данного мировосприятия. Назовем эти факторы терминами *образ мира и морфологически-стилевое построение текста*. Выше приводимые характеристики базиса, из которого выросал экспрессионизм в Германии (причем перечислили мы только некоторые из них), присущи и новому литературному поколению в России — и там резко изменилась общественная обстановка, и там все сильнее ощущается давление, под которым очутился человек как индивид, и там чувствуется эпоха ломки устоявшегося. Наиболее твердо сталкивается с этим именно молодое поколение, чье миропонимание только что формируется, ищет опорные точки, не находя прочных, устоявшихся ценностей. *Образ мира* этого поколения и есть то, что надо изучать, чтобы понять, откуда берется столько новых -измов, столько провозглашений и манифестов, которые очень часто являются скорее выражением чаяний и поисков, чем тщательно продуманными программами. По-нашему, нельзя утверждать, что в начале XX века для всех тех течений, которые входят в понятие авангард, образ мира один и тот же. Не можем, значит, полностью согласиться напр. с некоторыми выводами И. Хольтхузена, потому что он, сознавая, что моделей мира у авангарда больше, чем одна,

4 Якобсон, Р.: О художественном реализме. В: Якобсон, Р.: Работы по поэтике. Москва 1987, с. 388.

5 Там же.

все-таки пытается построить из них одно целое и противопоставить их предшествующей эпохе.⁶

Ведь факт, что «у художников в известные исторические эпохи перелома ощущается необходимость открыто разбирать вопросы мироздания, вопросы мирового порядка и вопросы мировой судьбы, то есть роковые вопросы всего человечества»⁷ сам по себе далеко не значит, что модели мира, которые отдельные группировки извлекают из таких усилий, будут настолько гомогенны, как он предполагает. Разве модель мира Маяковского и Хлебникова, которых он больше всего цитирует, совпадает с моделью мира, скажем, Арцыбашева, Ремизова, Андреева, Брюсова, Горького, Мережковского, Блока, Ахматовой и многих других? Сказав да, исследователь, по нашему мнению, лишается возможности действительно тщательно изучить данную эпоху во всей ее сложности, сходствах и противоречиях. Значит — надо изучить, каковы модели мира отдельных группировок, какой вывод они извлекают из общего им понимания необходимости воспринимать, жить и мыслить по-другому, к каким основным прежде всего аксиологическим и гносеологическим категориям прибегают, обосновывая теоретически свою позицию в мире.

Второй задачей является тщательное изучение литературного творчества данного времени с целью раскрыть свойства морфологической и стилиевой разрозненности литературных текстов. И вновь возникнут новые проблемы с тем, что будет общим для всех представителей авангарда, а что будет отличать отдельных из них от других писателей или группировок. Надо будет учесть все влияния и тенденции, включая, скажем, Достоевского и Гаршина на тот же самый экспрессионизм, но следует учесть и много других факторов, как напр. изменения в знаниях в сфере философии, языкознания, психологии, изменения общественного вкуса, взгляда на литературное творчество и на позицию художника в обществе, опыт русской литературы предшествующей эпохи и всего литературного развития прежде всего XIX века.

Если мы говорили о том, что в области изучения образа мира поучительно все, что уже проделало литературоведение при изучении немецкого экспрессионизма, то и в этой области надо будет учесть его опыт. Начало того, что можно скорее всего считать «подлинным экспрессионизмом», лежит в Германии в первом и в начале другого десятилетия XX века — эпоха первой мировой

6 Хольтхузен. И.: Модели мира в литературе русского авангарда. Вопросы литературы, 1992, вып. 3. с. 150 — 160.

7 Там же, с. 150 — 151.

войны явилась настолько мощным импульсом к переосмыслению многих из характеристик до того существующего, что время после нее надо было бы, по-нашему, считать уже второй волной, или даже реакцией на все предыдущее творчество экспрессионистов. Война и последующие за ней революции в России изменили так же многое из того, что стало почвой для русских произведений, несущих отпечатки экспрессионистического метода. Немецкий опыт перехода экспрессионизма в дада, с одной стороны, в экзистенциализм, с другой, и в социально ориентированное искусство будет в России осложнен влиянием прямолинейной «гиперреволюционности» и зарождением социалистического реализма, что сузит по сути дела возможность эксперимента в области формы. Интересно будет проследить, насколько это развитие полностью связано с внешними факторами, так как пример драм Л. Андреева указывает на какое-то другое влияние, ослабившее тенденцию к уходу от реалистического метода.

Интересно будет проследить то, насколько тенденция к экспрессии меняет творческий метод писателей по сравнению с теми, которые сосредотачивают внимание на других эффектах, как проявляется субъективизация, заостренная индивидуальность видения мира (т. е. перемещение отправной точки повествования), варьирование изображения пространственных и временных координат, тенденция к достижению по возможности сильного синэстетического эффекта, внутренняя разорванность героев и ее отражение в работе над текстом, стремление передать посредством линейно упорядоченного текста simultaneity мира. Это основные вопросы, на которые надо будет дать ответы для того, чтобы установить, насколько оправданы попытки найти в русской литературе элементы или даже сформировавшиеся целостные проявления поэтики экспрессионизма, как они нам известны из практики и теории немецкого экспрессионизма.